

«ПОБЕДИТЕЛЬНИЦУ»

СУДИТ ЗРИТЕЛЬ

ТЕАТР поздравил Алексея Николаевича Арбузова в дни его семидесятипятилетия премьерой его последней пьесы «Победительница». Говоря «театр», я имею в виду не только Театр юного зрителя Латвийской ССР, поставивший пьесу. Речь идет о театре как учреждении, с которым драматурга связывает вся его жизнь.

Она не всегда была легкой и безоблачной. Даже общепризнанная «Таня» долго числилась своего рода «обочинной» драматургии, далекой от «магистральных тем». В ней искали правдивого изображения жизни обычных людей, едва ли замечая, сколь обманчиво ее бесхитростное жизненно-условно ее конструкция. Но именно оттого, что режиссер Лобанов требовал бескомпромиссной достоверности, а

актриса Бабанова овладела театральное, игровое лукавство арбузовского письма, из бесчисленного множества «Тань» «Таня» на сцене Театра Революции осталась легендарной, побив рекорд долголетия советских пьес.

С тех пор условная, жанровая природа театральной жизни старались приблизиться к ней на возможно более короткую дистанцию — почти до стенографической записи. На этом фоне откровенность арбузовской театральности — чужаковатость его сюжетов, витиеватость речи — в свою очередь оказывалась на подозрении.

...А театры продолжали платить ему взаимностью, и зрители тоже. Пьесы Арбузова ставились с разной степенью удачи, но с неизменным успехом. Г. Товстоногов и Е. Симонов, А. Эфрос и М. Захаров — режиссеры, знающие цену игровому началу театра, достигали своих вершин, воплощая его сентиментальные трагедии и лирические мелодрамы.

Странным образом Арбузов, что называется, совпал со временем, когда иные уже сходят со сцены. Не потому ли «старомодность», которую он не без кокетства вынес в заглавие одной из своих пьес, вошла в моду, что жизнь на земле не становится проще, что «чувства добрые» оказались в дефиците, а театр есть театр, и это, как выяснилось, не тавтология?

Опыт, впрочем, показывает, что лучшие спектакли случаются в театре Арбузова, как раз когда режиссер не подлаживается под его условность, а ищет в нем жизненность; не столько идет на его осознанную сентиментальность, сколько противопоставляет ей свою осознанную жесткость. Именно тогда этот театр открывает кладовые своей человечности и вместо просто приятных шлягеров и приятных во всех отношениях аншлагов приносит сцене неувядаемые шедевры.

Спектакль, поставленный А. Шапиро в рижском театре, раскрыв Арбузова, погрешил кое-где и «арбузовщиной»: витиеватостью формы, необязательной для сути дела. Суть дела в этой — новой — пьесе драматурга как бы опять возвращает нас к прославившей его «Тане». Только героиня ее, Майя, своего рода анти-Таня: женщина, жертвующая любовью ради деловой карьеры.

Жизнь совершила полный круг с тех пор, как маленькая Таня Рябинина бросила ради своего Германа институт и профессию и была за это жестоко наказана драматургом. Майя Алейникова, приехавшая в Москву учиться и предавшая одного за другим своих возлюбленных ради права стать почти руководителем научного института, в свою очередь драматургом наказана...

Но суть, разумеется, не только в дилемме семьи или профессии, по-разному решаемой временем, женщинами и драматургией. Таня Бабанова потому и стала легендой, что, теряя любовь, обрела нечто большее, чем профессию: свою человеческую личность. Это не было дорогой к счастью, но было необходимой исторической работой. Обретая себя, она принимала одиночество.

Майя Алейникова стоит в конце этого пути. Свое сорокалетие она встречает среди людей, речей и комплиментов, но в одиночестве: без мужа, без детей. На комфортабельной, но пустой даче.

Сценограф спектакля А. Фрейбергс превосходно передает эту простор-

ность ее жилья, переходящую в безлюдье; элегантность, в которой не хватает обитаемости.

И в самой героине спектакля (И. Федорова) есть эта элегантность современной деловой женщины. Можно, разумеется, играть иначе — утрату женственности. Но актриса на это не соглашается. Ее героиня не администратор, не синий чулок. Женственность, которую Таня берегла для малого мира семьи, она приносит в служебную сферу и делает своим орудием.

Довольно ли все же, что к концу этого опустошительного дня — встреч с прошлым наяву и в воображении, осторожного разматывания цепи вины и предательства — героиня юбилейного чествования чувствует себя хищницей (недаром драматург наказывает ее утратой творческого дара, как Таню наказывал утратой любви мужа)? И не содержится ли в «Победительнице», как некогда в «Тане» или «Иркутской истории», нечто большее перипетий сюжета, построенного искусно и, как всегда, чуть-чуть искусственно, театрально-демонстративно?

Скорее всего, это не просто печальная история одной не очень праведной карьеры. Скорее всего этот смысл — одиночество, которое немолчаливое движение времени делает очевидным и выносит из-под спуда удач на поверхность. Ведь последовательный отказ героини от любви, от возможности родить ребенка столько же фигурален, сколько и буквален. Какая-нибудь реальная Майя так же могла бы совместить защиту диссертации с материнством, как реальная Таня замужество с окончанием института, — не в том суть. И обычные героини Арбузова с их милыми женскими слабостями — максималистки своей судьбы. В этом секрет драматурга в его лучших пьесах. В их прихотливо-личном проступает историческое.

Поэтому Майя Алейникова не только провинциальная девочка, напуганная возможностью неудачи в столице и ставшая хищницей: она, как и Таня, личность. Женщина, посмевшая выбрать свою историческую судьбу и наступившая, как и Таня, на ее исходе одиночеством. Только в нем уже нет оттенка героического, оно пустынно и лишено иллюзий.

Режиссер удачно решил зрительное и акустическое пространство спектакля: хаос мира из репродуктора, сквозь который, как азбука Морзе, пробивается пунктир судьбы героини; крики чаек той первой экспедиции, отдельные фразы, которые во времени становятся как бы поэзными, — все, что может составить четвертое измерение спектакля, которое так ценил в искусстве сцены недавно умерший корифей американского театра Теннесси Уильямс. И этого с лихвой хватило, если бы внутреннее пространство пьесы расширилось навстречу внешнему — от масштаба личной судьбы героини до пространства истории. В пьесе Арбузова, как уже говорилось, есть такая возможность, она в ней заложена. И тогда все внешние поэтические атрибуты, не нужные зрителю, оказались бы лишними и режиссеру.

...Драматургия тем и отличается от прочих жанров, что она каждый раз рождается на театре заново, и благо, если встреча автора и театра равноправна и равносильна. Кому это и знать, как не Арбузову, пережившему множество премьер во всех концах света!

М. ТУРОВСКАЯ